

Ли Жунь,
аспирант кафедры русского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ФИТОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НОМИНАЦИЙ «КАЛИНА» И «БЕРЕЗА»)

Аннотация. Фитонимы как один из видов семантической лексики, воплощая в себе определенные характеристики растений, отражают духовный мир людей. Их исследование в лингвокультурологическом аспекте позволяет получить определенное представление о многообразных языковых явлениях того или иного народа, а также проследить, как внеязыковая действительность преломляется в языке. Особенности функционирования фитонимов в тексте представляют национальную картину мира, которая отражается в семантике языковых единиц через систему значений и ассоциаций слова с особыми культурно-специфическими значениями.

Ключевые слова: лингвокультурология, коннотация, фитонимы, семантика, текст, языковая картина мира.

Постановка проблемы. Лексикон растительного мира в русском языке постоянно привлекал и продолжает привлекать внимание лингвистов. Ботанические наименования во многом отличаются от других терминосистем, поскольку почти всякое растение (трава, цветок, гриб и т.д.) имеют научное, литературное и народное название. По этой причине каждая из разновидностей словесного обозначения растений рассматривалась в науке нередко самостоятельно, обособленно.

В XVIII–XIX вв. в России появляется большое количество словарей ботанической тематики, врачебных справочников, где представлены не только научные ботанические термины, латинская номенклатура, дано описание растения, но приводятся также народные фитонимы. Составители словарей (Н.М. Максимович-Амбодик, А. Мейер, П.С. Паллас, Н.И. Анненков, Т.И. Вержбицкий, К. Пупарёв) приводили эквиваленты фитонимов из европейских языков. К составлению своих трудов авторы подходили не только с ботанической точки зрения, но они интересовались и лингвистической составляющей: проводили параллели между разными языками, отмечали народные наименования; некоторые словари, с целью более быстрого и точного определения вида нужного растения, были проиллюстрированы. Например, «Ботанический подробный словарь, или Травник» А. Мейера [1], «Ботанический словарь» Н.И. Анненкова [2].

Фитонимы как один из видов семантической лексики, воплощая в себе определенные характеристики растений, отражают духовный мир людей. Их исследование в лингвокультурологическом аспекте позволяет получить определенное представление о многообразных языковых явлениях того или иного народа, а также проследить, как внеязыковая действительность преломляется в языке. Особое внимание исследователей привлекают при этом мотивационно-номинативные поля, экспрессивно отражающие национально-культурные или универсальные особенности изучаемых языков: религиозно-мифологическое происхождение названий растений, сходство с

бытовыми предметами или частями тела (человека, животного и т.д.). Так, Н.И. Панасенко в результате наблюдений над названиями растений выявила, что группа фитонимов, связанных с культурологическим компонентом, является самой многочисленной [3, с. 151].

Цель предлагаемой статьи – показать особенности функционирования фитонимов, связанные с их лингвокультурологической характеристикой. В качестве материала исследования взяты лексемы калина и береза. Тексты, в которых эксплицируется коннотативная информация, извлечены из Национального корпуса русского языка.

Изложение основного материала исследования. В МАСе лексема *калина* имеет два значения: 1. Кустарник сем. жимолостных, с кремовыми цветками и красными ягодами. 2. *соби́р*. Красные горьковатые ягоды этого кустарника: *Пирог с калиной*. Существительное *береза* зафиксировано в одном значении: «лиственное дерево с белой корой: *На склоне небольшого пригорка, у самой дороги, одиноко стояла молоденькая береза. У нее была нежная и светлая атласная кожица. (Бубеннов, Белая береза)*». Как видим, данные слова в лексикографической интерпретации не отражают информацию культурологического характера.

«Калина» – древнеславянское слово, обозначающее, по предположению одних ученых, кустарник, который растет на болоте, а по мнению других, указывающее на ярко-красный, как бы раскаленный цвет плодов. В русской лингвокультуре калина является одним из символов душевной чистоты. Издревле это дерево считается символом девичьей красоты. Калина была символом здоровья, красоты, душевной чистоты у предков-славян.

Красный цвет ее ягод обусловил печальный и, часто, трагический мотив легенд, объясняющих ее происхождение. Одна из них имеет такое содержание. Собирала девочка Калина в лесу ягоды и увидела войско татар. Прибежала она в село раньше врагов, предупредила людей. Долго бились жители, но врагов было в сотни раз больше. Сожгли они село, а девочке Калине отрубили голову за то, что она известила людей. На том месте, куда упали капли крови, вырос чудо-куст с душистыми цветами в виде белого венка и кроваво-красными ягодами.

Трагический коннотативный фон, обусловленный этой культурологической информацией, проявился во многих поэтических произведениях, ср.:

*А чем больше мужицких загубленных жизней –
Тем щедрее калина кораллами брызнет.* [М.И. Цветаева. Рассвет (1939–1941 гг.)];

На горе калина,
Под горою жито;

На горе в калине

Молодец убитый [И.З. Суриков. Три девицы].

О калине пели в песнях. В галицкой песне об Оленочке, которую брат хотел продать туркам, девушка покончила с собой, и турки с досады стали рубить на куски ее тело, и тогда калиновые рощи расколыхались от великой печали. Поэтому колебание калины, как и вербы, наклонение ее ветвей к земле – поэтический символ женской печали. Калина качается, как будто девица убивается за милым. Женщина, страдающая от неверности мужа, символизируется со сломанной и брошенной калиной, ср.:

*Ах, калина побурела,
Ржавой кровью запеклась.*

Ворожить я не умела –

Вьюн-любовь не унялась [С.М. Городецкий. Из цикла «Осенница»].

С калиной связывают и другие предания. Существует легенда о неразделенной любви. Влюбилась одна девушка в пригожего кузнеца, который не замечал ее. Как ни старалась она, не обращал он на нее внимания, проходил мимо. Больше всего любил он гулять по лесу, и решила тогда девушка сжечь тот лес. Пришел кузнец к своему любимому месту, а там все сгорело. Один только калиновый куст сохранился, политый горячими слезами. А под кустом увидел кузнец заплаканную красавицу. Прикипело его сердце к девушке, влюбился он, но было уже поздно. Вместе с лесом сгорела и красота девушки, она быстро состарилась. А калина вернула парню умение отвечать на любовь, и в глубокой старости видел он образ юной красавицы в своей сгорбленной старухе. Но с тех пор горчить стали ягоды калины, будто слезы неразделенной любви. И пошло поверье, будто букет калины, приложенный к исстрадавшемуся влюбленному сердцу, успокаивает боль, ср.:

Солнцем высушит мне слезы,

Ветром посроняет,

И о чем калина плачет –

Никто не узнает [И.З. Суриков. Песня]

В русском языке существуют устойчивые словосочетания с компонентом «калина», например, фразеологизмы *встретиться на Калиновом мосту* имеет значение «любить»; *гулять по Калинову мосту* – «предаваться разгулюю, блудить».

Отношение к берёзе было двойственным: согласно одним традициям дерево и изделия из него, в том числе из берёсты, считались оберегом от нечистой силы. В частности, берёзовые веники, использовавшиеся в бане, рассматривались и как инструменты ритуального очищения, а накануне Ивана Купалы берёзовые ветки втыкали над дверью, чтобы нечистая сила не проникла в дом. Согласно другим традициям берёзу считали нечистым деревом, в ветвях которого поселяются черти и русалки и которое является воплощением душ умерших родственников. Берёза также считалась деревом, из которого нечистая сила делает свои инструменты, к примеру, ведьмы, согласно поверьям, летают на берёзовых мётлах.

Существует множество народных примет, нашедших отражение в языке, например:

- *Из берёзы весной течёт много сока – к дождливому лету.*
- *Осенью листья берёз начнут желтеть с верхушки – весна ранняя, зажелтеют снизу – поздняя.*
- *Коли берёза наперёд опушается, то жди сухого лета, а коли ольха – мокрого.*
- *Если на берёзах много серёг – к урожаю гороха.*
- *Если весной на берёзе много почек – просо будет обильное.*
- *Если берёзовая шишка натрое весной – то овёс хорошо родится.*

Как видим, все изречения объективируют на языковом уровне наблюдения, важные для сельскохозяйственной деятельности человека.

Я.Е. Боровский отмечает, что в украинском и чешском календарях именем берёзы назван месяц март: «Березозолом в древнеславянских памятниках письменности обозначался месяц апрель. Слово составилось из *берёза* и из слова *зол*, не употреблявшегося самостоятельно, имеющего тот же корень, что и в словах *зел-ёный*, *зел-енеть* и т.д. Таким образом, слово обозначает зелень берёзы или месяц, в который берёза зеленеет. Вот почему чеш. *březen* обозначает март» [4, с. 35].

Берёза считается одним из символов России, поэтому во многих случаях её название использовалось для описания объектов, связанных с Россией: *Перед ними предстал уголок настоящего леса: высокие стройные берёзы, густые могучие ели, трепещущие на ветру осины с редким подлеском* [Д. Князева. На привале]. *В поле стояла одинокая береза с обвислыми ветвями-косами, а тяжелые клочки туч, выписанные с таким тщанием, что в их пучине чудились медленное шевеление, брожение раскатов густого рокота, зловеще подсвечивала гипнотическая молния. Луна показалась на небе, ... молчание природы изредка прерывалось перепархиванием испуганных пернатых и жужжаньем майских жуков, кружившихся около вершин кудрявых берез* [Н. Мамышев. Злосчастный].

Исследование фитонима *береза* в лингвокультурологическом аспекте показало актуализацию прагматического и эмоционального компонентов в семантической структуре лексемы. Так, многие тексты связаны с описанием практического использования денотатов, номинированных словом *береза*: *Сосна, туя, ель, дуб, береза, рябина повышают полезную ионизацию воздуха* [П. Крусанов. Перекуем орала на свистела]. *В отличие от других центров по художественной обработке дерева, где используются липа и берёза, в Луховицах стали применять невестребованную осину, которая раньше почти полностью уходила в отходы лесного производства* [Ю. Карпун. Природа района Сочи]. *Мой дед был охотником и как-то вырезал мне из берёзы «летающую бабочку», которая сразу же стала моей любимой игрушкой* [Э. Савкина. Если впрягаюсь, то основательно].

Эмотивный компонент реализуется во фрагментах повествовательного характера, передающих ситуации размышления, наблюдения, восторга: *Индома здесь разливалась между двумя зелеными пригорками; была неколебима, подобно зеркалу; едва слышен был гул вдали враждующих волн ее; маститые сосны и развесистые березы, окруженные мраком своим, дремали над нею; все располагало мою душу к размышлению* [П. Львов. Даша, деревенская девушка]. *Береза пружинила, земля бешено срывалась из-под забранных к подбородку коленок, мчалась напором, рушилась куда-то вниз, как из-под крыла самолета при отрыве, – и бежала, замедляясь, вода, чтобы на полном останове – взмыть, принять восторг паденья* [А. Убогий. Русский путь Чехова]. *Шумите уныло, березы и осины! Шумите для симпатического удовольствия чувствительной души!* [П. Шаликов. Темная роща, или памятник нежности].

Лингвокультурологический фон использования фитонимов в тексте ассоциирует березу с женской нежностью, иногда – с одиночеством, светлым тоном человеческих отношений, что вводит лексему в образную систему антропоцентрического характера. Чаще всего такие реализации проявляются в сравнительных конструкциях: – *Вот именно это я прежде всего и понял, – перебил он мой раздраженный монолог. – Простая и светлая, как бе-*

реза. Ты – береза [А. Ткачева. Приворот]. «Вот Автоном, вот жених Аннушки», – вскричал дядя Карп, обнимая гостя. Андрей стоял, как береза в поле. Он не отвечал уже ни слова; сел на скамье у дверей и смотрел в пол так пристально, как будто бы искал там кллада [В. Нарезный. Российский Жилблз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова].

Встречаются примеры, в которых береза сочетается с дубом, входя в один художественный образ, передавая гармонию отношений между женщиной и мужчиной. В таких контекстах реализуется как эмотивный, так и прагматический смысл: *Будучи недавно в Ясной поляне, я обнаружила два огромных дерева, также сросшиеся стволами, на этот раз это были дуб и берёза, причём очень старые... Видимо, берёза и дуб каким-то образом положительно влияют друг на друга, причём берёза, как более быстро растущее дерево, образует «перемычки» к стволу дуба.* [Н. Замятина. Повенчалась берёза с дубом]. *Все изделия «РусЭкспорта» поражают воображение, будь то низкий столик, где добытый на реке Мокша (Мордовия) мореный дуб сочетается с карельской березой...* [Антиквариат будущего // «Мир & Дом. City». – 2004 (от 15 июня)].

Выводы. Таким образом, вышеизложенный материал показывает, что изучение фитонимов в лингвокультурном аспекте представляет национальную картину мира, которая отражается в семантике языковых единиц через систему значений и ассоциаций слова с особыми культурно-специфическими значениями.

Литература:

1. Мейер А. Ботанический подробный словарь, или Травник / А. Мейер. – М. : Университет. типография у Н. Новикова, 1781.
2. Анненков Н. Ботанический словарь / Н. Анненков. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1876. – С. 100–137.
3. Панасенко Н.И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа) / Н.И. Панасенко. – Черкассы : Брама-Украина, 2010. – 452 с.
4. Боровский Я.Е. Язычество древнего Киева // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : IX Межд. съезд славистов. – М., 1983. – С. 36–39.

5. Абезгауз Е.С. Лингвострановедческая лексика в русском языке конца XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.С. Абезгауз. – Краснодар, 2011. – 18 с.
6. Дубровина С.Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / С.Ю. Дубровина. – М., 1991. – 385 с.

Лі Жунь. Культурологічна інформація в семантиці фітонімів (на матеріалі номінацій «калина» і «береза»)

Анотація. Фітоніми як один з видів семантичної лексики, втілюючи в собі певні характеристики рослин, відображають духовний світ людини. Їх дослідження в лінгвокультурологічному аспекті дозволяє отримати певне уявлення про різноманітні мовні явища того чи іншого народу, а також простежити, як позамова дійсність переломлюється у мові. Особливості функціонування фітонімів у тексті представляють національну картину світу, яка відображається у семантиці мовних одиниць крізь систему значень і асоціацій слова з особливими культурно-специфічними значеннями.

Ключові слова: лінгвокультурологія, конотація, фітоніми, семантика, текст, мовна картина світу.

Li Zhun. Cultural information in the semantics phytonyms (based on nominations „viburnu” and „birch”)

Summary. Phytonyms as a kind of semantic lexicon, embodying the characteristics of certain plants, reflect the spiritual world of people. Their study lingvo-culturological aspect allows you to get some idea of the diverse linguistic phenomena of a people, as well as see how the extralinguistic reality is refracted in the language. Features of functioning phytonyms in the text is a national picture of the world, which is reflected in the semantics of linguistic units through a system of meanings and associations of words with special cultural-specific values.

Key words: lingvoculturology, connotation, phytonyms, semantics, text, linguistic picture of the world.